

Глава I

ИДЕЯ АНАРХИЗМА И ЕЯ РАЗВИТІЕ.

Анархія есть отрицаніе власти. Власть же мотивируетъ свое существованіе необходимостью защищать различныя общественныя учрежденія — семью, религію, собственность и проч. — и создаетъ съ этой цѣлью цѣлый рядъ орудій, обеспечивающихъ ея дѣятельность и повиновеніе ей; главныя изъ этихъ орудій — законъ, судебныя учрежденія, войско, законодательная и исполнительная власть. Вотъ почему, вынужденная давать отвѣтъ на все, идея анархизма должна была бороться со всѣми общественными предразсудками, должна была проникнуться всѣми данными человѣческой науки, съ цѣлью показать, что связанныя съ нею понятія вполне соотвѣтствуютъ какъ фізіологической и психологической природѣ человѣка, такъ и изученію естественныхъ законовъ, между тѣмъ какъ современная общественная организація, наоборотъ, противна всякой логикѣ, всякому здравому смыслу, результатомъ чего и является непрочность нашихъ обществъ, которыя постоянно подвергаются революціоннымъ взрывамъ, вызываемымъ накопившимся гнѣвомъ тѣхъ, кого давить произволь существующихъ учрежденій. Когда анархисты борются съ властью, имъ приходится, такимъ образомъ, критиковать всѣ тѣ учрежденія, защитникомъ которыхъ эта власть является и необходимость которыхъ она старается доказать для оправданія своего собственнаго существованія.

Поэтому область анархическихъ идей расширяется. Исходя первоначально изъ простаго политическаго отрицанія, анархизмъ долженъ былъ затѣмъ подвергнуть критикѣ всѣ экономическіе и общественные предразсудки и выработать такую формулу, которая, отрицая частную собственность, лежащую въ основѣ современнаго экономическаго порядка, выражала бы въ то же время извѣстныя стремленія по отношенію къ будущему. И вотъ рядомъ съ «анархизмомъ» естественно сталъ «коммунизмъ».

Ниже мы увидимъ, что существуютъ утонченные резонеры,

которые доказываютъ, что разъ анархизмъ означаетъ полное и всестороннее развитіе личности, онъ не можетъ имѣть ничего общаго съ коммунизмомъ. Мы же, напротивъ, имѣемъ въ виду показать, что личность можетъ развиться именно только въ обществѣ, а это послѣднее можетъ существовать только при условіи свободнаго развитія первой; одно, такимъ образомъ, дополняетъ другое.

Вотъ это-то разнообразіе разсматриваемыхъ и разрѣшаемыхъ вопросовъ и содѣйствовало быстрому развитію анархическихъ идей, которыя были вначалѣ достояніемъ лишь небольшой группы никому неизвѣстныхъ людей, лишенныхъ всякихъ средствъ пропаганды, а теперь проникаютъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ и въ науку, и въ искусство, и въ литературу.

Ненависть къ власти, требованія соціальнаго характера существовали издавна: они зарождаются съ того момента, когда человѣкъ начинаетъ чувствовать, что его угнетаютъ. Но черезъ сколько ступеней, черезъ сколько различныхъ системъ должна была пройти эта идея прежде чѣмъ выльется въ ея настоящую форму?

Первый намекъ на нее мы находимъ у Раблэ, въ его описаніи Телемскаго Аббатства, но здѣсь она еще совершенно неясна, и онъ считаетъ ее неприменимой къ всему обществу въ его цѣломъ: доступъ въ его аббатство разрѣшается только привилегированному меньшинству, при которомъ состоитъ цѣлый штатъ прислуги.

Въ 93 году уже говорятъ объ «анархистахъ». Жакъ Ру и такъ называемые «ненетовые» поняли, по нашему мнѣнію, лучше другихъ, смыслъ революціи и больше всего сдѣлали для того, чтобы обратить ее на пользу народа. Потому то буржуазные историки и оставили ихъ въ тѣни: ихъ исторія еще не написана, скрытые въ архивахъ и библіотекахъ документы еще ждутъ человѣка, у котораго хватило бы времени и энергій на то, чтобы вынести ихъ на свѣтъ божій и объяснить многое изъ того, что до сихъ поръ остается намъ непонятнымъ въ этомъ трагическомъ періодѣ исторіи. Мы не можемъ поэтому сдѣлать никакой оцѣнки ихъ программы.

Чтобы найти анархизмъ, какъ оппозицію власти и государству и какъ начинающуюся складываться теорію, нужно дойти до Прудона. Но анархизмъ здѣсь не больше какъ теоретическій врагъ государства: на практикѣ, въ своихъ планахъ обществен-

ной организаціи, Прудонъ оставляетъ подъ различными названіями всѣ тѣ части административной машины, которыя составляютъ самую сущность правительства. До самаго конца Имперіи анархизмъ существуетъ во Франціи лишь въ видѣ смутнаго мутуализма, который въ первые годы послѣ Коммуны вырождается въ движеніе производительныхъ и потребительныхъ товариществъ — движеніе вполне ошибочное, пошедшее по совершенно ложному пути.

Но еще гораздо раньше этого безсильнаго движенія, отъ новаго дерева народился другой отпрыскъ. Интернаціональ создалъ въ Швейцаріи «Юрскую Федерацию», въ которой Бакунинъ проповѣдывалъ идею Прудона — анархію, враждебную власти, — но притомъ развивши, расширивши ее и сливши ее съ социальными требованіями. Съ этого-то времени начинается настоящее развитіе современнаго анархическаго движенія. Конечно, многіе предразсудки еще жили въ умахъ, въ высказываемыхъ идеяхъ еще было много нелогичнаго. Въ организаціи, принятой тогдашними пропагандистами, еще сохранялось много зародышей власти, много переживаній государственныхъ идей, но какъ бы то ни было первый шагъ былъ сдѣланъ: идея стала затѣмъ расти, очищаться и все болѣе и болѣе ясно опредѣляться. И когда, не больше какъ какихъ-нибудь 20 лѣтъ тому назадъ, анархизмъ впервые заявилъ о себѣ во Франціи на одномъ изъ конгрессовъ, то несмотря на то, что новая идея была высказана лишь ничтожнымъ меньшинствомъ и что противъ нея были не только защитники существующаго порядка, но и тѣ псевдо-революціонеры, которые видятъ въ народныхъ требованіяхъ только средство придти ко власти — несмотря на все это, въ ней оказалось достаточно способности къ развитію, чтобы утвердиться (хотя у ея сторонниковъ не было никакихъ средствъ пропаганды, кромѣ собственной энергіи); достаточно силы, чтобы заставить защитниковъ существующаго капиталистическаго строя бороться и преслѣдовать ее, а людей добросовѣстныхъ — ее обсуждать. Это — лучшее доказательство жизненности и силы новой идеи.

Такимъ образомъ, несмотря на крестовый походъ, предпринятый противъ нея всѣми тѣми, кого можно считать представителями различныхъ фракцій общественнаго мнѣнія, несмотря на клевету, на осужденія, на тюрьму, анархическая идея проложила себѣ дорогу. Основываются группы: во Франціи, Бельгіи, Ита-

лія, Іспанія, Португалія, Голландія, Англія, Норвегія, Америка, Австралія; создаються органи для пропаганды на всевозможныхъ языкахъ — славянскихъ, нѣмецкомъ, еврейскомъ, армянскомъ — и во всевозможныхъ мѣстностяхъ. Но, что еще важнѣе, отъ небольшой группы недовольныхъ анархическія идеи проникаютъ во всѣ классы общества, повсюду, гдѣ только работаетъ человѣческій умъ. Искусство, наука, литература проникаются новыми идеями и служатъ ихъ носителями.

Вначалѣ, эти идеи были не больше какъ мало сознательными формулами, неясными требованіями — часто скорѣе простыми проявленіями протеста, чѣмъ дѣйствительными убѣжденіями. Теперь же анархическія идеи не только ясно формулируются, но люди которые ихъ распространяютъ, вполне сознаютъ, что распространяютъ именно анархизмъ, и не страшатся назвать его собственнымъ его именемъ.

Итакъ, уже не одни анархисты находятъ теперь, что существующій порядокъ дуренъ весь пѣликомъ и что его нужно изменить. Жалобы на существующее и стремленіе къ лучшему можно встрѣтить даже у тѣхъ, кто считаетъ себя защитникомъ современнаго положенія вещей. Мало того: люди начинаютъ чувствовать, что нельзя довольствоваться безплодными пожеланіями, что нужно работать для осуществленія своего идеала, начинаютъ понимать и проповѣдывать пропаганду дѣломъ и примѣромъ. Иначе говоря, сравнивая то удовлетвореніе, которое доставляетъ человѣку сознание, что онъ поступаетъ согласно своимъ убѣжденіямъ, и тѣ непріятности, которыя ему можетъ доставить нарушеніе существующихъ законовъ, люди стараются по возможности согласовать свою жизнь съ своими взглядами — насколько темпераментъ данной личности можетъ сопротивляться преслѣдованіямъ общественнаго возмездія. Эта быстрота развитія анархическихъ идей зависить отъ того, что, хотя съ самаго начала онѣ противорѣчатъ многимъ принятымъ идеямъ и установившимся предразсудкамъ и пугаютъ тѣхъ, кто слышитъ о нихъ въ первый разъ, онѣ въ сущности отвѣчаютъ на рядъ заглаженныхъ чувствъ и смутныхъ запросовъ и даютъ человечеству въ конкретной формѣ тотъ идеалъ благосостоянія и свободы, о которомъ оно прежде едва осмѣливалось мечтать. Эти идеи казались страшными съ перваго взгляда, потому что проповѣдывали ненависть и презрѣніе ко многимъ изъ тѣхъ учреждений, которыя считались необходимыми для жизни общества, и доказы-

вали, въ противоположность принятымъ взглядамъ, что эти учрежденія вредны по самому своему существу, а не потому только, что они находятся въ рукахъ слабыхъ или дурныхъ личностей. Онѣ говорили толпѣ, что не нужно довольствоваться смѣной личностей, стоящихъ у власти, и частичными улучшеніями въ учрежденіяхъ, но нужно прежде всего разрушить то, что дѣлаетъ людей дурными и даетъ возможность меньшинству пользоваться всѣми силами общества для угнетенія большинства. Онѣ показывали, что то, что до сихъ поръ считалось причиной зла, отъ котораго страдаетъ человѣчество, есть ничто иное какъ послѣдствіе зла гораздо болѣе глубокаго, что нужно, слѣдовательно, измѣнить самыя основы общественнаго устройства.

Но, какъ мы уже видѣли выше, въ основаніи современнаго общества лежитъ частная собственность. Защита капитала — единственная цѣль существованія власти. Организациія семьи, чиновничества, арміи, суда прямо вытекаетъ изъ существованія частной собственности. Задача анархистовъ состояла, слѣдовательно, въ томъ, чтобы доказать несправедливость захвата земли и продуктовъ труда прошлыхъ поколѣній меньшинствомъ спекулянтовъ и подорвать авторитетъ власти, показавъ ей вредъ для человѣческаго развитія, ея роль покровительницы привилегированныхъ классовъ и ничтожество тѣхъ принциповъ, на которые она опиралась для оправданія своихъ учреждений.

То, что отталкивало отъ анархизма людей личныхъ интригъ и личнаго тщеславія, заставляло, наоборотъ, людей мыслящихъ изучать и обдумывать тѣ идеи, которыя онѣ приносили съ собою. Дѣло въ томъ, что въ нихъ нѣтъ мѣста ни личнымъ соображеніямъ, ни мелкому самолюбію; онѣ не могутъ служить средствомъ для тѣхъ, кто видитъ въ рабочихъ требованіяхъ не больше какъ мѣсобою завоевать себѣ мѣсто въ рядахъ эксплуататоровъ. Мотылькамъ политики нечего дѣлать въ рядахъ анархистовъ. Тамъ нѣтъ, или почти нѣтъ, мѣста ни мелкимъ личнымъ интересамъ, ни ряду кандидатуръ, открывающихъ поле всевозможнымъ надеждамъ и компромиссамъ. Въ партіяхъ политиковъ или социалистовъ-государственниковъ какой-нибудь карьеристъ всегда можетъ подготовить незамѣтнымъ образомъ свое «обращеніе» такъ, что товарищи замѣчаютъ его уже много времени спустя послѣ того, какъ оно совершилось. У анархистовъ это невозможно: всякій, кто согласился бы занять какой-нибудь постъ въ современномъ обществѣ, послѣ того какъ онъ самъ доказывалъ,

что всё тѣ, кто занимаетъ эти мѣста, могутъ держаться на нихъ только при условіи быть вмѣстѣ съ тѣмъ защитниками существующаго порядка, будетъ тотчасъ же заклеименъ названіемъ ренегата, потому что у него не можетъ быть никакихъ оправданій для его «эволюціи». Вотъ почему то самое, что навлекало на идею анархизма ненависть интригановъ, вызывало вмѣстѣ съ тѣмъ на размышленіе людей искреннихъ; этимъ и объясняется ея быстрый успѣхъ.

Что, въ самомъ дѣлѣ, возразить людямъ, которые доказываютъ, что, если вы хотите, чтобъ ваши дѣла шли хорошо, вы должны дѣлать ихъ сами, а не давать на это полномочія другимъ? Въ чемъ можно упрекнуть людей, которые говорятъ, что если вы хотите быть свободными, то вы не должны никому поручать «управлять» собою? Что отвѣтить тѣмъ, кто показываетъ вамъ причины бѣдствій, отъ которыхъ вы страдаете, указываетъ средства избавиться отъ нихъ, и при этомъ не только не говоритъ, что эти средства находятся у него въ рукахъ, но, напротивъ, старается внушить вамъ, что только вы, вы сами, можете судить о томъ, что вамъ нужно и чего, наоборотъ, вамъ слѣдуетъ избѣгать.

Если какая-нибудь идея обладаетъ достаточною силою, чтобы внушить людямъ твердыя убѣжденія, за распространеніе которыхъ они борются и страдаютъ, ничего не ожидая въ смыслѣ непосредственныхъ результатовъ — такая идея уже по одному этому является въ глазахъ искреннихъ людей достойной изученія; такъ именно случилось и здѣсь. И вотъ, несмотря на крики негодованія однихъ, на злобу другихъ, на преслѣдованія правительствъ, идея все растетъ и развивается, доказывая буржуазіи, что голосъ правды ни заглушить, ни заставить замолчать нельзя. Рано или поздно съ нимъ приходится считаться.

Анархизмъ имѣетъ своихъ мучениковъ — умершихъ, заключенныхъ въ тюрьмы, изгнанныхъ, — но онъ остается живымъ и полнымъ силъ, и число его пропагандистовъ все растетъ. Среди нихъ есть и пропагандисты сознательные, понявшіе все величіе идеи, и пропагандисты случайные, которые просто выражаютъ свою ненависть къ учрежденіямъ, задѣвающимъ ихъ сокровенныя чувства или ихъ инстинктивную потребность правды и справедливости. Широкій размахъ анархическихъ идей привлекаетъ всѣхъ тѣхъ, въ комъ живо чувство собственного достоинства, кто жаждетъ справедливости и красоты истины. Быть свободнымъ отъ всякаго принужденія, отъ всякаго стѣсненія—

не есть ли это, въ самомъ дѣлѣ, идеаль чловѣка, и не съ этой ли цѣлью производились всѣ революціи? Вѣдь если люди все еще терпятъ надъ собою гнетъ эксплуататоровъ, если чловѣческій умъ до сихъ поръ томится въ тискахъ понятій капиталистическаго общества, то это потому, что общепринятыя взгляды, рутина, предразсудки и невѣжество брали всегда верхъ надъ мечтами о свободѣ и стремленіемъ къ независимости и заставляли тѣхъ самыхъ людей, которые только что изгнали тѣхъ, кто господствовалъ надъ ними, вмѣсто освобожденія, избрать себѣ новыхъ господъ.

Анархическія идеи пролили свѣтъ не только въ умы рабочихъ, но и въ умы всевозможныхъ мыслителей, которымъ онѣ помогли разобраться въ своихъ собственныхъ чувствахъ, показали настоящія причины окружающей бѣдности и средства для ея устраненія, показали въ чемъ цѣль и гдѣ ведущій къ ней путь, объяснили, почему всѣ прошлыя революціи кончались неудачей.

Именно этой тѣсной связью анархическихъ идей съ сокровенными чувствами чловѣка и объясняется ихъ быстрое развитіе; именно она придаетъ имъ силу и дѣлаетъ ихъ неуязвимыми. Напрасно направляются на нихъ и на ихъ пропагандистовъ и злоба правительствъ, и различныя репрессивныя мѣры, и ненависть неудовлетвореннаго тщеславія: онѣ уже проложили себѣ дорогу, и ничто не можетъ помѣшать имъ развиваться и стать идеаломъ всѣхъ обездоленныхъ, лозунгомъ всѣхъ ихъ попытокъ къ освобожденію.

Капиталистическое общество такъ узко и мелочно, всякое широкое стремленіе въ немъ такъ подавляется, оно убиваетъ столько хорошихъ побужденій, оскорбляетъ въ большей или меньшей степени личное достоинство столькихъ людей, не могущихъ примириться съ узостью господствующихъ въ немъ понятій, что если бы даже ему удалось заглушить на время голосъ современныхъ анархистовъ, то скоро само угнетеніе вызвало бы къ жизни новое поколѣніе ихъ, такое же непримиримое.

Глава II.

ИНДИВИДУАЛИЗМЪ И СОЛИДАРНОСТЬ.

«Анархія и коммунизмъ несовмѣстимы», говорятъ намъ многіе недобросовѣстные противники, мало заботящіеся о выясне-